

Джек Лондон - Достоевский (Стратиевская) - Часть 3

7. О координации целей

Трудно бывает взаимодействовать партнёрам, если они не пытаются скоординировать свои цели. (Полудуальные отношения изначально предполагают некоторую конкретность целей — без этого нет сближения между партнёрами по схеме “свой — чужой”, которая здесь так же важна, как и в дуальных отношениях.)

Сталкиваясь с интуитивной или деловой неподатливостью Достоевского, Джек тоже может посчитать его “чужим партнёром”. В его упрямстве, в его наивных, но последовательных интуитивных “происках” Джек может усмотреть либо “злой умысел” (чему он в глубине души не хотел бы верить), либо разобщённость целей. Попытка скоординировать цели, “договориться”, или хотя бы “прояснить ситуацию тоже не всегда бывает успешной — Джек может нарваться на всё то же упрямство и недопонимание со стороны Достоевского, на отсутствие веры в позитивный исход дела, на всё те же “неоправданные” страхи и запреты: “Не смей этого делать! Ты хочешь нас погубить!..”

Идея собственной “погибели” Достоевскому иногда кажется весьма привлекательным способом мести (в соционе это один из самых склонных к суициду психотипов). Но именно такая форма воздействия кажется Джеку абсолютно неприемлемой — она его шокирует, дискредитирует в его глазах всю так называемую “этичность” Достоевского — партнёр представляется ему глупым, мстительным и беспощадным человеком.

(Драйзер никогда не “дразнит” Джека суицидом, потому что лучше чем кто-либо понимает, что это запрещённый приём, которым даже в крайнем случае нельзя пользоваться. Даже тогда, когда коммерческие авантюры Джека заканчиваются для Драйзера полным крахом — даже в этом случае он не “уходит” из жизни. Максимум, что он себе позволяет — это “выпасть из времени”, из общения, уединиться на какое-то время для того, чтобы с новыми силами восстановить всё разрушенное).

Драйзер никогда не угрожает Джеку, не лишает его поддержки по аспекту сенсорики ощущений — это не та точка, на которую бьют в третьей квадре. Достоевский же делает это в расчёте на творческую сенсорику Штирлица, но при этом попадает на т.н.с. Джека, что приводит к очередному и очень болезненному конфликту по каналу 4 — 6, уровней СУПЕРЭГО — СУПЕРИД.

Чем ближе дистанция, тем труднее партнёрам сосуществовать друг с другом. На близкой дистанции Джек начинает чаще уступать Достоевскому, поскольку тот пытается активно манипулировать им этически и интуитивно: по интуиции потенциальных возможностей предельно “перекрывает кислород” — ограничивает его свободу, контролирует каждый его поступок, не позволяет ему ни малейшего риска (так что и собственная программная логика действий для Джека значения уже не имеет); по этике отношений и этике эмоций Достоевский взывает к совести своего партнёра, к

его чувствам супруга, отца, семьянина.

В конечном итоге Достоевский может и сломить сопротивление Джека, может заставить его сменить работу, профессию, уговорит вести "оседлый образ жизни". Но даже "сойдя на берег", Джек всё равно постарается выйти из - под контроля партнёра; найдёт отдушину в том, в чём Достоевский (в виду его слабой волевой сенсорики) будет бессилён на него повлиять — уйдёт в разгул, в "компанию", может опуститься, пристраститься к азартным играм, начать пить. И тогда уже Достоевский мало что сумеет ему помочь.

Достоевский о Джеке:

“ Сейчас я понимаю, что самое спокойное время было, когда он ходил в море. Я тогда хоть и волновалась, и нервничала, и трудно было его ждать, а всё легче было, чем когда на сходил берег. Бывало вернётся домой, каждый вечер пьянки, гулянки, дружки, преферанс. И ведь немолодые уже люди были, у всех семьи, жёны, дети. Бывало за картами до утра сидят. И всё еда да выпивка. Я уж и по домам их разгоняла. Говорю: “Идите, идите домой, вас жёны ждут!..” Радовалась, когда он в море уходил. А уж когда его совсем на берег списали, он недолго протянул — вскоре заболел и умер, а ведь ещё не старый человек был...”

8. Достоевский — Джек. Отношения на далёкой дистанции

Татьяна (ЭИИ, Достоевский), 47 лет.

“Валька был замечательный парень. Двадцать лет продолжалась наша дружба. Первые пять лет только “шапочное” знакомство — встречались по праздникам в одной компании.

Интересный он был человек — три высших образования, “мореходка”, работа в Арктике. Много друзей — что называется “рубаха - парень”. На все руки мастер, всё умел делать. И всегда такой улыбчивый, уверенный в себе. Легко с ним было. И я с себя чувствовала уверенно. Непритязательный был человек, деликатный, в душу не лез, но и свою не открывал. Хороший был человек! Если бы только не работа — на полтора - два года в плаванье уходил...

Отношения с женщинами у него были сложные. В детстве пережил глубокое разочарование — мать у него гуляла. Он в ней это осуждал. Женщины его любили, и он с ними встречался, но постоянных подруг у него не было — считал, что не должен с ними связываться.

А со мной он дольше всех дружил. Мы с ним сошлись, потому что мне надо было от мужа “оторваться” — я к тому времени три года как с мужем разошлась, а всё никак его забыть не могла. А Валентин был такой душевный, отзывчивый человек — ему можно было доверять. Да и девчонки мне говорили: не упускай случай, клин клином вышибают.

Автор: admin
22.10.2010 23:15 -

И решила я “вышибить клин клином”... В деталях не помню, как всё было. Помню только, что всю ночь я проплакала — он даже растерялся и не знал, что со мной делать. Плакала от обиды, — почему на его месте не мой муж? Мне было так не удобно с ним — всё не то, всё не так: не так реагирует, не так себя ведёт — всё не то! Нет, партнёр он был замечательный, но мне что - то в нём не нравилось... Хотя главная цель была достигнута, “лекарство” помогло, барьер был преодолён.

Потом это был мой самый лучший друг — я могла к нему прийти в любое время и всегда находила у него самый радушный приём. Он любил принимать гостей. У него всегда было что - то сготовлено — и всё так вкусно, красиво! Застолье он любил и умел его устраивать, но для жизни это был неудобный человек — то он плавает где - то год - полтора, то вдруг появляется: “Привет! Ты где? А я уже приехал!” Но писал часто. И звонил тоже. Даже из Африки звонил. Обязательно с праздником поздравлял. Он всех друзей поздравлял, никого не забывал.

Друзья и работа — это для него главное. Приезжает бывало — весь в делах, весь в хлопотах, а как уладит дела, так всё с друзьями: рыбалка, сауна, пикники... Весело с ним было!.. Выпить мог, но мог и подраться. Не по пьяному делу — нет! Выпив, он только веселел — пел, шутил, улыбался. В доме у него всегда ящик водки стоял — про запас.

Весёлый он был человек, оптимист. Никогда ни на что не жаловался. И как - то легко устраивался в быту. Был у него друг — бухгалтер по профессии, так этот парень в его отсутствии все дела вёл — за квартиру платил, всё улаживал...

На корабле Валька был незаменим: и кок, и связной, и механик — всех заменял, и всё на высшем уровне. Любую работу мог лучше всех сделать. Еду приготовит — так не хуже, чем в ресторане. За какое бы дело ни взялся — даже если в первый раз — сделает не хуже профессионала. Очень я в нём это уважала — профессионализм¹.

¹ Суггестия по аспекту деловой логики.

И добрый такой был — всегда из рейса подарки мне привозил, сувениры, раковины, веера.

Двадцать лет мы с ним дружили, а предложения он мне так и не сделал. Всё у нас с ним планы не совпадали². Да и невозможно было к нему приспособиться — меньше, чем на год он в море никогда не уходил. Приезжал месяца на два, на три. Но и дома он по морю скучал, всё его на север тянуло. Я ещё удивлялась, как он это переносил — полярные ночи, холод, темноту — его товарищи не выдерживали, а он себя прекрасно чувствовал. Такой уж он был человек — занимался только тем, что любил. Я понимала, что работу свою он не оставит. Об этом его и просить нельзя было. А мне куда с ним

плавать? У меня отец больной на руках и сын.

² Здесь и дальше — “несостыковка” по аспекту интуиции времени.

Да и по мелочам у нас было не всё гладко. Как - то раз он звонит: “Давай- ка собирайся, едем в порт Гену провожать!” А я как раз курицу варить поставила — не могу же я всё бросить и побежать! Ну, пока я курицу доварила, пока собралась и приехала, их уже и след простыл, они уже Гену проводили и куда - то делись. А мне и обидно, — что же меня не дождались?

Свою личную жизнь он связывал только с друзьями — не с женщинами. Когда - то была у него постоянная подруга, он к ней как к жене относился. А вернулся однажды из полугодового рейса, глядь, — а она уже и на сносях! Валька прямо обомлел: “Ты это откуда такое пузо надула?” — спрашивает. В шоке был от всего этого. Но её он не выгнал, она сама от него ушла... Вообще он очень нравился женщинам, многие ему буквально на шею вешались. Он им позволял любить себя. Но сам любить не решался...

И вот это в нём меня не устраивало — его отношение к женщинам! Он их не баловал, не говорил красивых слов — он не боготворил женщину! Нет, он был добр, внимателен, я от него слова плохого не слыхала, но и комплиментов он тоже не говорил — вот такой был человек! Никогда не говорил даже, что любит меня, тоскует...³

³ Аристократичная, подчинённая ритуалам этика отношений Достоевского не согласуется с демократичной, свободной от ритуальных нагромождений этикой отношений третьей клады. В каждой клады свой этический кодекс.

К близким отношениям он меня не склонял. Я ему не говорила и даже не намекала, что нам следует пожениться. Ждала, что он мне сам об этом скажет. Но он не говорил. То ли и вправду не догадывался, то ли от меня чего - то другого ждал... А мне это как - то даже странно — сколько у меня было парней — все мне делали предложения. (О бывшем муже я и не говорю — он до свадьбы меня три года обхаживал). А этот ни разу ни о чём таком не говорил — ни разу!⁴

⁴ Обычное для интуитов общение “полунамёками”.

А ещё у меня так получалась, что я всегда была чем - то связана по рукам и ногам — то родственниками, то работой. И как только надо куда - то идти — в гости там, к друзьям, на пикник — я всегда занята! Он потом меня даже приглашать перестал, говорил: “Я тебя даже не спрашиваю — ты, как всегда, занята.”

Я всегда нравилась его друзьям, женам его друзей. Мне хорошо было в их компании, и мне хорошо было с Валькой! Я всегда могла запросто прийти к нему домой отдохнуть. У него всегда было хорошо, уютно. Готовил он вкусно. Можно было просто прийти и поесть. Он никогда ни о чём меня не спрашивал. Я могла просто посидеть и уйти — он никогда не настаивал, чтобы я осталась на ночь, не интересовался, зачем я вообще пришла — он меня понимал.

И деловой такой. Даже находясь в рейсе, постоянно руководил мной: присылал указания в письмах, что и как надо для него сделать⁵. И всегда приписывал: “будь счастлива”. А мне тут же хотелось добавить: “с другим?”.

⁵ Джеку, как позитивисту, удобнее “руководить” энтузиазмом других, чем что - то (особенно неинтересное, рутинное) делать самому, поэтому за Джека иногда работает его “команда”. Негативист Штирлиц предпочитает всё делать сам и Достоевского это больше устраивает. Достоевский (как позитивист) тоже предпочитает скорее “руководить”, чем быть у кого - то на побегушках, но при этом и лишней ответственности на себя старается не брать.

Обижало меня, что он никогда не спрашивал: а не помочь ли мне чем -нибудь материально, не нужны ли мне деньги, не купить ли мне что -нибудь... Он никогда не догадывался, что мне что - то практическое от него было нужно, а я никогда его об этом не просила: думала сам догадается⁶. Никаких моих проблем он не решал. Но любую мою просьбу выполнял незамедлительно — в любой день и час

⁷
. (Тётку мою больную из операционной на руках выносил, дежурил в её палате без срока и отдыха.) О чём бы я его ни попросила — ответ один: “Хорошо, сделаю!” — и делал.

⁶ “Дефицит сенсорики”; неспособность оказать конкретную, действенную помощь.

⁷ Имеется в виду конкретная просьба.

Автор: admin
22.10.2010 23:15 -

Один раз только на меня накричал — это когда я по своей инициативе в его квартире ремонт затеяла. Хотелось мне помочь ему чем-нибудь, а он не понял. Я тогда обиделась на него и ушла, а он потом бежал за мной три квартала и извинялся. Ремонт он так и не закончил — на будущий год он уже вернулся из рейса больной, облучённый, с метастазом третьей степени. Он один из всей команды облучился — аварию устранял. Сам вызвался, больше некому было — одни не умели, у других семья, дети. А он всё умел, и семьи у него не было — не для кого было себя беречь...

Он недолго болел — около года. В плавание уже не ходил, жил в городе, но опять же не по своей воле, а потому что заставили. Он как узнал, что болен, справку с анализами подделал, чтобы в рейс пойти. Я ему говорю: “Ты в своём уме? А вдруг тебе плохо станет?” А он: “Ну и что? Похоронят как моряка: груз к ногам привяжут — и в море!”

Вот чего я не могла понять, так это его отношения к своему здоровью:

“Подумаешь, здоровье — мелочи жизни!”. Помню, случился с ним ночью приступ — это когда он уже болен был — вызвали неотложку. Наутро звоню ему — никто не подходит. День его нет, два нет, три нет, на четвёртый является — у друзей был! Я уже не знала, что и думать! Ох, как я его ругала! А ему всё — хи-хи, да ха-ха! Наплевать, что о нём волнуются! Хоть бы позвонил!..⁸

⁸ Джек зачастую беспечно относится к своему здоровью. Для него это некая статичная ценность, более связанная с аспектом волевой сенсорики: здоровье было, есть и будет “и никуда не денется”. Джек может условно считать себя здоровым, полагая что для него этого вполне достаточно. По большому счёту Джек “не верит” в болезнь” как “не верит” и в смерть. Такая позиция безусловно осуждается Достоевским, по мнению которого человек ответственен за своё здоровье не только перед самим собой, но и перед своими близкими. В диаде Достоевский — Штирлиц здоровье (аспект сенсорики ощущений) — приоритетная ценность.

Вот такой он всегда был: на здоровье не жаловался — “мелочи жизни”, а тут такая беда! Мне пришлось самой ему сказать, что у него рак. Врач вначале перепутала справки — выдала ему одну, а мне другую. Так я за ним с этой справкой три дня бегала — то его дома было не застать, то у меня духу не хватало сообщить ему это. А потом я подумала: он такой мужественный человек, зачем от него это скрывать? Может ему какие-то дела надо успеть закончить... Потом он был мне благодарен за то, что я ему это сказала.

Друзья на его болезнь поначалу не обратили внимания — привыкли, что он всегда здоровый и крепкий. Им даже трудно было представить, что он больной. Валька тоже хорош! Себя не берёт — чуть только прооперировался, а уже кому-то помогал мебель грузить. Я говорила его другу: “Ты понимаешь, Гена, он только что перенёс операцию.

Ему нельзя грузить мебель, у него швы разойдутся.” Так Валька сам виноват — отмахнулся: “Да ну, ерунда, пустяки какие!” — и начал на себя этакий здоровенный шкаф взваливать. Я кричу: “Я не могу на это смотреть!!!”, а он: “Не можешь, не смотри!”. Я не смогла этого вынести — обиделась и уехала домой. Валька потом приходил извиняться: “Ну что ты обиделась? Генка же попросил!..” Вот у него всегда так: кто - то попросит, а он не может отказать. Не для себя жил — для других...

Вот такой он человек был — собой ради других жертвовал. На 8-е марта он удрал из операционной, чтобы мне отправить поздравление. А на улице себя плохо почувствовал, так он ползком до почты добежал — так ему больно было.

В последний год, когда он уже тяжело болел, он стал верующим — больше ему поддержки ждать неоткуда было! В церковь ходил, как на работу, из последних сил службу выстаивал. Всё ценное, что у него было, в церковь относил. Деньги им все свои отдал. Добрый он был, безотказный...

А друзья его как любили! Им он всё остальное завещал — квартиру, машину, гараж. Потом его друг — бухгалтер — всё это продал, и мы на эти деньги каждый год устраиваем ему поминки. Автобус нанимаем, едем туда... а потом устраиваем застолье — он это любил! Вспоминаем его добрым словом. Памятник ему хороший поставили...

Жаль, что никого после него не осталось... Помню, я спросила его: “Валька, а может у тебя хоть ребёнок где - нибудь есть? Хоть какой незаконный?” А он: “Не знаю, не знаю, на алименты пока ещё никто не подавал”. А однажды я застала его за интересным занятием: перед рейсом он расфасовывал конфеты и прянички по пакетикам — в подарок “бесхозным” ребятишкам Севера. Он ещё и пошутил тогда: “Как знать, а может какой из них — мой!”

Мне его всегда так жалко было! Такой мужик — сокровище! — а ни семьи, ни детей. Одни друзья. И все говорят: “Валька, не женись, нам с тобой так хорошо!” А что друзья? Придут, поедят, грязную посуду оставят...

Трудно с ним было — весь в делах, весь в друзьях. А для себя и не жил совсем. Как - то привёз из рейса бивень мамонта — сам его нашёл, сам распилил на куски и всем друзьям раздарил — на память. И у меня один такой кусок есть. Я его берегу. Это единственное, что у меня осталось...”

— *Печальная история... Но если бы этого человека дома кто - нибудь ждал, если бы он имел семью, возможно всё сложилось бы по - другому? А так получилось, что ему не для кого себя беречь...*

— Это не единственная причина, по которой он вызвался устранять аварию — кому-то же надо было это делать! А Джек — спасатель по призванию. В его жизни всегда есть место подвигу. Деловая программа и творческая интуиция времени и демонстративная интуиция потенциальных возможностей в сочетании с суггестивной этикой отношения — этикой милосердия и сострадания его к этому обязывают.

Но то, что интересы дела для Джека превыше всего, отнюдь не означает, что у него не должно быть семьи — одно другого не исключает. Джеку необходимо быть уверенным в том, что он любим и кому - то нужен. (А здесь с ним только “дружили”, а о любви, о серьёзных намерениях даже не намекали — сам догадайся и сам первый заведи об этом разговор!).

Джеку нужно, чтобы его ждали. Ему нужна поддержка по аспекту этики отношений и стабильность по аспекту волевой сенсорики; ему нужно место, к которому он должен быть привязан и которое будет считать своим домом, своей семьёй. Это “место” и есть “точка приложения” его волевой сенсорики, которая требует абсолютных гарантий и определённости. По аспекту волевой сенсорики Джеку необходимо задавать жёсткие и чёткие ориентиры (что наилучшим образом может сделать только его дуал Драйзер по своей дискретной, квестимной творческой волевой сенсорике: +ч.с.2). За неимением таких ориентиров в семье, Джек будет переносить их на постоянный круг общения или на постоянный род занятий, стараясь быть полезным другим.

Достоевский, ввиду его деклатимной (а тем более — слабой и мобилизационной) волевой сенсорики (-ч.с.4), не способен задавать партнёру чёткие ориентиры по этому аспекту. По соционной природе (по структуре его модели) этот его мобилизационный аспект волевой сенсорики “запрограммирован” на то, чтобы “смягчать” демонстративную жёсткость его дуала — сенсорика - Штирлица, и в меньшей степени рассчитан на то, чтобы укреплять, и поддерживать сенсорику в чём - то слишком податливого интуита - Джека.

Героиня этой истории столкнулась именно с теми проблемами, которые самой природой предназначено решать дуалу Джека — Драйзеру. Достоевский не обладает всем необходимым для этого “инструментарием”, поэтому ему и приходится затрачивать невероятное количество усилий для того, чтобы перенаправить действия Джека в “нужное русло”.

К чести нашей героини можно сказать, что она успешно справилась с этой задачей — точно рассчитывая свои силы и возможности, поддерживала отношения с партнёром на самой оптимальной дистанции; заботилась о нём в самый трудный период его жизни, осталась ему верным другом и сохранила о нём добрую память.

[Источник](#)

[Обсудить на форуме](#)